- После этого в Королевской Гавани сложат песни о битве, – задумчиво молвил Робар.

- Победа побуждает мечты об империи. Она станет катализатором, - сказал Джоффри.

– Ты к чему приближаешься, прямо здесь, – заметил Робар,

– К тому, что ты начал на Фестивале.

– Конец начала, – ответил он, неподвижно глядя на вражеский флагман прямо по курсу, который только сейчас начал убирать якоря, когда Молот уже рвался к незащищенной стороны словно борзая на привязи.

Джоффри глубоко вдохнул, когда с галеона взлетела туча стрел; болт скорпиона же пробил арбалетчика, а простые стрелы отскакивали от полного доспеха; серебряный плащ развевался от западного бриза.

- На таран! - проревел он.

- Гребцы! – завопил капитан,

- Таранная скорость!

Огромный, размером с человека, барабан за секунду удвоил темп, а затем снова сменил ритм по-новому, набирая темп в унисон к песне. Гребцы вопили короткими криками между рывками каждые две секунды, четыре сотни весел ударялись о воду, вспенивая ее водоворотами. Молот короля Роберта ускорился, целясь прямо в центр здоровенного четырехмачтового корабля.

- Передняя секция! Обстреляйте вражеских стрелков! - воскликнул Джоффри, когда очередной болт врезался в соседнего моряка, сбивая его с ног. Метательный снаряд пришпилил мертвое тело к заднему борту носовой башни, когда туда добрался Бронн; наемник отпрянул назад, вытаскивая собственный лук. Он помог остальным гвардейцам и командам проредить ряды противников, вражеский огонь становился все более хаотичным.

Хрипы гребцов от усилий начали заглушать глубокий бас барабанов, пока вражеский корабль вырастал все больше; бурные волны разлетелись потоками соленой воды, когда огромный рогатый таран врезался в борт галеона, и лицо Сандора скривилось перед огнями пожара:

– Уходите! Держитесь, Хуесосы!

Джоффри схватился за задние перила носовой башни, когда перед ним выросла высоченная деревянная стена; сверху вопили вражеские лучники и моряки, разбегаясь от места тарана - и корабли столкнулись.

Удар был невероятным, сбивая лучников с ног, и Джоффри скривился от мощной вибрации; рогатый олень пробился вглубь галеона, словно нож в спину. Он проломил немалую дыру во флагмане, но не остановился, не мог остановиться, и могучая инерция затягивала Джоффри еще дальше вглубь корабля, только что убитого оленем, в темную палубу, переполненную приглушенными криками.

Сломанная древесина и разбитые переборки сами по себе формировали собственный хор, пока Молот продолжал погружаться в галеон словно соторийський мясной червь, круша палубы и каюты без счета. Галера остановилась с финальным скрипом, и побледневшие члены команды мигали глазами с верхней палубы; уцелевшие в этом невероятном землетрясении моргали,

уставившись на рогатого оленя, который остановился; увенчанный рогами король осматривал причиненный вред, посмотрев вниз.

Тем временем гребцы снова задвигались, напряженные пыхтения зазвучали в трюме; чудовище замерло на мгновение, но уже готовилось к новому рывку. Запели арбалеты, Золотые Мечи начали падать на разбитую носовую башню, многие из них до сих пор были одеты в ночное белье.

Здесь было темно, в пузе величественного галеона-почти четверть Молота уже погрузилась внутрь корабля - но он до сих пор мог видеть воду, которая заливала низ трюма; темная бесформенная масса пены и обломков живо затапливала внутренности корабля.

Король поморщился от боли, когда отчаянные моряки бросили гарпуны вниз с верхней палубы, и один из них рикошетом отразился от его плеча; Робар прикрыл монарха своим щитом.

Бронн застрелил того метателя за какую-то секунду, его стрела попала моряку прямо в глаза и тот рухнул, перекатившись через незаряженный скорпион. Джоффри кивнул наемнику, огляделся, высчитывая урон, причиненный правому борту, затем прошел по носовой башне и взглянул вниз. Морская вода ревела, пробиваясь сквозь края пролома; ужасающий звук заполонил нижние палубы, когда волантийский галеон начал медленно наклоняться в их сторону.

Великолепная пробоина, огромный урон, подумал Джоффри, когда стрела звякнула о щит Робара; крики и звуки боя начали громче, видимо часть упавших уцелевших воинов не потеряли оружия. Золотая Звезда огрызалась; поблизости захрипел Раненый оруженосец, и Сандор добил его мечом.

- Опять! - проревел Джоффри.

Ворчливый зверь снова проснулся, барабаны перешли от полной тишины к постоянному стучанию, сигнализируя обратный ход, пока капитан кричал приказы. Сначала медленно, а потом все быстрее, пока древесина трещала, а бойницы на бортах отрывались и крушились - галера отплывала от продранной дыры и тонущего корабля.

Над ними снова появилось пылающее пожарами небо безлунной ночи; боевые галеры двигались кругами вокруг флагмана, перехватывая вероятных спасителей вражеского короля, тараня их и беря на абордаж, пока Молот короля Роберта замер, словно бык, что опускает вниз рога перед атакой.

Золотая Звезда и далее наклонялись в одну сторону, вода и дальше заливала трюм; отдельные воины прыгали за борт, а другие продолжали стрелять из луков; лучники-наемники с Летних островов выпускали координированные залпы, которые калечили людей у руля, но это уже было поздно.

- Таранная скорость! - завопил капитан.

Чудовище снова загудело, когда четыре сотни весел задвигались как одно, и вчетверо больше гребцов запыхтели в унисон, добавляя собственные силы к предстоящему столкновению. Флагман и дальше наклонялся, дрейфуя к ним от невидимого течения, когда очередная партия стрел от летнийцев врезалась в моряков, державших штурвал; бело-эбеновые стрелы пробивали их насквозь. Молот свернул чуточку вправо, но расстояние было маловато, чтобы галеон мог избежать удара.

Тяжелая боевая галера пробила дыру в кормовой части Золотой Звезды, круша великолепные стеклянные витражи, которые рассыпались настоящим дождем обломков, по палубе; таран проламывался сквозь каюты, достойные и короля, и разломал киль надвое; олень проломил немалую дыру в корме и чуть ли не втрое большую, чем раньше.

Золотая Звезда намертво застыла в воде, продолжая погружение, пока вокруг появлялись все новые и новые галеры, выныривая из темноты, сверкая серебряными вымпелами на мачтах. Эта бессодержательная глупость, задуманная Варисом и Иллирио, подошла к концу, амбиции Эйгона уже стали лишь очередной записью в хрониках мейстеров. Какие бы там беглецы ни выплыли на соседний атолл - гвардейцы их пленят без особых проблем, а остальное станет кормом для рыб.

Джоффри выдохнул воздух.

Но ведь суть не в Эйгоне, подумал он, глядя вниз на правую ладонь. И никогда не была связана с ним.

Суть в разрубании узла. В рождении легенды. В вихре, где сходятся все линии. В начинании, которое основывается на промышленности, армии и культуре. Это как фокусирующая линза. Точка сбора. Событие. Легенда.

"Нам понадобится авторитет и уважение в таких масштабах, которых Вестерос еще не видел". Так шептала Санса, когда они зарылись под одеяла на Джали, где зимние ветры дули на их небольшой домик на пляже.

"Мы должны стать живыми легендами в глазах наших подданных, чтобы вызванный нами восторг равнялся с ужасами Долгой Ночи". Было так мило с ее стороны, озвучить это словами, и он наслаждался той решимостью, которую так любил в своей жене.

Если, по правде, то она озвучила мысль, до которой Джоффри постепенно и сам дошел уже давненько. Словно цветок, который он просто нашел однажды на просторах сознания, уже сформированный и готовый. Он подозревал, что семена были посеяны еще во время последнего боя в Крепости Рассвета, когда вся мощь Цикла ударила по стенам, и его наградили доспехами Рассвета. Тогда он сожалел из-за восхищенных взглядов своих воинов, но теперь он это лелеял, удобрял и наконец использовал как орудие, чтобы связать королевства вместе. Словно перевернутое отражение образа Красной Кометы. Надежда против отчаяния.

И разве Рассветная эпоха не породила героев из легенд? Величественных мифических воинов, почерпнувших силы из чего запредельного, которые вели свои народы сквозь славу и руины? Людей, которые очерчивали границы целых регионов, целых народов, которые и дальше не забывали о них?

Почему бы тогда не провозгласить эпоху единства?

- Единственное королевство, Робар, - сказал Джоффри. Лицо рыцаря осветилось сиянием завитков пурпурных и фракталов, что вырастали из руки Джоффри; лицо, словно вытесанное из гранита, освещенное серебряно-золотым светом среди ночи; на лице Сандора выросла отвратительная кривая улыбка, а побледневший Бронн ухватился за борт.

Флагман пылал.

Палуба уже наклонилась где-то на треть от прямого угла к воде, но решительное ядро сопротивления отбрасывало простую логику, даже когда матросы с головой окунулись в холодное море, сомкнув ряды вокруг пути на верхнюю палубу, когда они дрожали в безудержном ужасе, а пламя плескалось по их бокам.

- Эйгон! - воскликнул Джоффри, пробивая легко наряженного солдата Светлоревом насквозь, словно масло ножом. Позади лежали убитые летнийцы-лучники, а еще с полдюжины воинов отступали назад, бледные от страха, во главе с Джоном Коннингтоном.

- Что ты такое? - спросил Коннингтон, его лицо обмякло под отблесками пожаров. Заря проревел ответ, прыгая на лорда-изгнанника словно выстрелянный катапультный снаряд.

Серебряный лев грубо разрывал человека пополам, пока Джоффри размахивался мечом во все стороны, прорубаясь сквозь наемников, сидя на заре словно на боевом коне. Некоторые воины бросались за борт от ужаса, другие бились с истерической силой, пока Заря крутился на месте с неожиданной ловкостью, ударяя когтями, а Светлорев свистел, прорезая воздух.

Бедный дурак, подумал Джоффри, разглядывая изуродованное тело правой руки Эйгона, когда Заря поднял морду и принюхался, ища их добычу.

Он погиб, считая, что сражается за сына Рейгара. Если бы он узнал правду - это было бы милосердием, или жестокостью?

Заря крался между огнями с непринужденной грацией, пока король думал об этом; хищник охотился за добычей, пока Золотая Звезда тонула с кормы, а нос корабля поднимался над ватерлинией. Джоффри прищурился, подгоняя Зарю вперед, и пригнулся к львиной спине. Они перепрыгнули пламя и приземлились на носовой части верхней палубы; Светлорев летал как будто инстинктивно, пробивая спину вооруженного моряка.

- Эйгон! – закричал король. Заря подхватил тот клич громоподобным ревом, вгоняя когти в доски настила и останавливаясь. Он был прямо перед ними, выдерживая как можно большую дистанцию до них, пока позволяла длина корабля, одной рукой держась за борт, и зажав Черное Пламя другой.

- Вот где ты! – сказал Джоффри, соскальзывая со спины Зари, и пошел прямо на врага,

– Думаю, нам стоит закончить спор здесь и сейчас, не погружая всю страну в войну, ты не согласен?

Претендент сумасбродно дышал, вжимаясь спиной в борт; его глаза прикипели к золотому сиянию Светлорева.

- Отвали! – взревел какой-то рыцарь, выпрыгивая из-за кипы ящиков позади них с двуручным мечом в руках. Джоффри чуть пригнулся, и меч распахнул один из рогов на шлеме. Он остановил следующий замах, нахмурившись, отступил на шаг и поднял Светлорев в защитной стойке.

- А ты еще кто?

- Сэр Ролли Дакфилд, из королевской гвардии, – ответил юный рыцарь, наклонив двуручный меч под углом. Лица не было видно из-за забрала, однако мужчина казался напуганным и потрясенным. Однако, несмотря на страх, несмотря на все на свете - все же он оставался у своего сюзерена.

- Мое вам уважение, сэр Ролли Дакфилд, – сказал Джоффри, слегка кивнув. Рыцарь едва-едва успел отступить на шаг, прежде чем Заря врезалась в него, словно таран на галере. Они прокатились на немалое расстояние по палубе, прежде чем Заря вскарабкался наверх, прибивая человека к доскам покрасневшими клыками.

Джоффри продолжил шествие, и Эйгон вдруг словно обрел остатки мужества, вставая прямо и держа Черное Пламя словно талисман, пока корабль продолжал наклоняться. Свет огней освещал с десяток галер, заполненных молчаливыми лучниками; корабли кружили вокруг флагмана словно стая акул, сверкая серебряными флагами.

- Т-ты не и-имеешь права! - запинаясь прокричал Эйгон, замахнувшись мечом сверху вниз. Джоффри отклонился на дюйм, позволяя лезвию пролететь мимо себя, прежде чем ударить Светлоревом прямо в грудь Эйгона. Он приподнял пронзенного претендента на трон, держась за рукоятку меча двумя руками; в этот миг палуба уже почти достигла вертикального положения.

– Да и ты не имеешь, Блэкфайр, – Джоффри прорычал на ухо юноше, переступая через борт и становясь возле носовой фигуры,

- Мертвые придут, и ты заступаешь мне путь, – сказал он, прежде чем вытащить лезвие с фонтаном крови; Заря взревел возле него, когда кровь потекла из рта юноши.

Галеры кружили вокруг тонущего корабля; его солдаты застыли в трепете, когда в Черное Пламя отразилась свет пожара, а тело Эйгона полетело в бурное море. Джоффри взял Черное пламя, приподнял его высоко над головой, так чтобы меч Таргариенов заблестел среди ночи; на рукояти и лезвие показались драконы и черные линии.

- Единое королевство! - воскликнул он, швыряя меч в море; Серебряный Лев проревел к небесам, к комете, летящей в вышине, и звук отразился между атоллами. Хрупкое гудение тонущего Черного Пламени вибрировало эхом в мелодии песни, и Джоффри улыбнулся.

- Единое королевство! - проревели вестеросцы.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/61076/2020262